

Если бы мой брат Митя или Надя — через 21 год
после своей смерти вышли из могилы подростками,
как они умерли, и посмотрели бы на меня:
что со мной случилось? — Я стал уродом, изувеченным,
и внешне, и внутренне.

— Андрюша, разве это ты?

— Это я: я прожил жизнь.

.....

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

Из записной книжки 1942 г.

Земля - от
дней от
и в себя - год 2 лав
носе доз сугн брмен
и чаша подорожаны
Кем он туго, и
поэтому - от не
мен. с. с. со
иной гора?

С. С. С.
Учен, и вклен-
ком, и вклене,
и вклене.
- Инженер (палеон)

А? - С. С. С. ~~С. С. С.~~
вклене вклене.
вклене вклене.

2

**АНДРЕЙ
ПЛАТОНОВ**

“...я прожил жизнь”

ПИСЬМА.

[1920 – 1950 гг.]

Издание второе, дополненное

Издательство
АСТ
Москва

УДК 82-6
ББК 84(2Рос=Рус)6
П37

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

Под общей редакцией НАТАЛЬИ КОРНИЕНКО и ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Составление и вступительная статья — НАТАЛЬЯ КОРНИЕНКО

Издание второе, дополненное

Подготовка текста и комментарии Е.В. Антоновой, М.В. Богомоловой, Н.И. Дужиной, Р.Е. Клементьева, Н.В. Корниенко, Т.А. Кукушкиной, Е.А. Папковой, Е.А. Роженцевой, Л.Ю. Суровой, Н.В. Умрюхиной

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы "Культура России (2012–2018 годы)"

В книге использованы фотоматериалы из фондов ИМЛИ РАН, РГАЛИ, ГЛМ, ГАВО, а также из личных архивов К.Б. Андроникашвили-Пильняк и Д.Л. Расторгуева

Платонов, Андрей.

П37 "…я прожил жизнь"»: Письма. 1920-1950 гг. / Андрей Платонов; сост., вступ. статья, ком. Н. Корниенко и др. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 717, [3] с. — (Наследие Андрея Платонова).

ISBN 978-5-17-116773-8

Собранные в одном томе письма Платонова — бесценный первоисточник для понимания жизни и творчества автора "Чевенгура" и "Котлована", органическая часть наследия писателя, чей свободный художественный дар не могли остановить ни десятилетия запрета, ни трагические обстоятельства личной биографии. Перед нами — "тайное тайных" и одновременно уникальный документ эпохи.

Том подготовлен Платоновской группой Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Звездочкой (*) отмечены письма, не входившие в первое издание.

Книга иллюстрирована уникальными фотографиями и дополнена новыми материалами.

УДК 82-6
ББК 84(2Рос=Рус)6

- © ИМЛИ РАН
- © ООО "Издательство АСТ"
- © Платонов А.П. (Мартыненко А.М.)
- © Корниенко Н.В., составление, вступительная статья
- © Антонова Е.В., Богомолова М.В., Дужина Н.И., Клементьев Р.Е., Корниенко Н.В., Кукушкина Т.А., Папкова Е.А., Роженцева Е.А., Суорова Л.Ю., Умрюхина Н.В., подготовка текста и комментарии
- © Бондаренко А.Л., оформление

СОДЕРЖАНИЕ

- 7**   **НАТАЛЬЯ КОРНИЕНКО**
              Андрей Платонов по его письмам
- 73**   **АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ**
              ПИСЬМА
              [1920–1950 гг.]
- 669**   **ПРИЛОЖЕНИЕ**
              АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ
              Однажды любившие
              Повесть в письмах
- 680**   Условные обозначения и сокращения
- 684**   Именной указатель
- 706**   Расширенное оглавление писем

Наталья Корниенко

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ ПО ЕГО ПИСЬМАМ

.....

| АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ |

Автор двух романов (“Чевенгур”, “Счастливая Москва”), девяти повестей (среди них такие шедевры, как “Сокровенный человек”, “Котлован”, “Джан”), сатирических рассказов (“Усомнившийся Макар”), изумительных новелл о любви (“Фро”, “Река Потудань”) и детях (“Корова”, “Июльская гроза”), рассказов о войне, представляющих образцы духовной прозы (“Одухотворенные люди”, “Смерти нет”, “Взыскание погибших”), драматург, работавший в жанре лирической комедии (“Шарманка”) и трагедии (“14 красных избушек”), оригинальный киносценарист, литературный критик, создавший одну из парадоксальных историй русской и европейской литературы (книга статей “Размышления читателя”)... Это только вершины творчества Андрея Платоновича Платонова. За ними — могучий и свободный художественный дар, который не могли остановить ни цензура, ни десятилетия запретов, а также жизнь и судьба, может быть, самого нелитературного писателя XX века, не раз повторявшего, что “окончание — не в литературе, а в жизни”. Мелиоратор-практик со своей программой “ремонта земли” и модернизации крестьянского землепользования. Профессиональный инженер-конструктор с приличным списком полученных патентов. Это — тоже Андрей Платонов.

Его наследие возвращается в культуру XXI века полновесными томами прозы, драматургии, публицистики, литературной критики, записных книжек. Письма Платонова — это органическая часть наследия писателя, замечательный документ русской истории литературы и быта советской эпохи, бесценный, а зачастую и единственный надежный первоисточник для понимания платоновского творчества, составления хроники жизни гениаль-

ного писателя и комментария его произведений. В письмах перед нами предстает Платонов — поэт и прозаик, Платонов — мелиоратор и инженер, Платонов — политик и историк, Платонов — любящий муж и отец, Платонов — верный друг, Платонов — правдолюбец и верный сын несчастной “вечной Родины”... Обладая самостоятельной исторической и художественной ценностью, письма Платонова складываются в книгу для чтения — о жизни писателя и биографиях его произведений. Эта книга заполнена страницами лирических рассказов и документальных свидетельств о борениях человека и писателя Андрея Платонова, его страстях и страданиях, безотрадной борьбе с жестокими обстоятельствами исторической и литературной эпохи 1920–1940-х годов.

В эпистолярном наследии Платонова представлено всё многообразие письма как уникальной формы общения и рассказа о себе и времени: письма любовные и семейные, письма во власть, письма делового стиля, дружески-разговорного и повествовательно-книжного, письма, предназначенные для открытой печати, и глубоко личные, только для одного человека. Жесткий, лишенный всяких сантиментов эпистолярный “губмелиоратора Платонова” перемежается страстными письмами-поэмами и драматическими письмами-новеллами о единственной любви его жизни. За практически безответными обращениями к власть предержащим 1931–1937 годов следуют эпистолярные документы страшной семейной трагедии, связанной с арестом сына и запечатленной в письмах 1938–1940 годов. Пронзительные рассказы о виденном на фронте в письмах к жене сменяет официальная переписка послевоенных лет с секретариатом Союза советских писателей, которую “отстраняют”, а точнее даже, отстраняют письма к любимым Мариям — жене, дочери и теще, нежные и смешные записки к крохотной дочери Маше. Деловые и дружеские, шуточные и мрачные, посвященные семейной жизни и серьезным вопросам современности и литературы — все вместе своей специфической диалектикой отношения жизни и искусства они представляют течение жизни писателя Платонова, его внешнюю и внутреннюю биографию и одновременно образцы его эпистолярной прозы, обладающей всё тем же неповторимым стилем, по которому мы узнаём автора “Чевенгура” и “Фро”, “Котлована” и “Афродиты”.

.....

1

Центральное место в эпистолярном наследии Платонова занимает его переписка с невестой, а затем женой Марией Кашинцевой. Именно любовно-семейные письма Платонова превраща-

ют традиционный сборник писем писателя в самостоятельную книгу, формируют ее внутренний сюжетный нерв и придают всему эпистолярному пронзительную лирико-драматическую интонацию. “Одно ты у меня достояние и православная вера”^{*} — эти драгоценные в своей сокровенности строки сохранил набросок стихотворения 1922 года с посвящением любимой жене Марии. Запись, сделанная для себя, представляет формулу жизни и духовного стояния Платонова, того света любви и страдания, которым пронизаны его произведения, в том числе и письма к любимой Марии.

Они познакомились в Воронеже начала 1920-х годов. Студентка Воронежского университета красавица Мария Кашинцева была из другого — петербургского — мира не только по рождению. Семья Кашинцевых в 1918 году уехала из голодного, потрясаемого революционными событиями Петрограда сначала на север, в Петрозаводск, затем в 1919-м — в Воронеж. В этом же году Мария Кашинцева становится студенткой университета, сначала факультета общественных наук, а в пору знакомства с Платоновым — словесного отделения филологического факультета^{**}. В ее облике смешались литературные черты лирических героинь Александра Блока и современности, отмеченной пафосом новой любви, новой семьи и “освобожденной женщины”. От литературы и литературности эпохи идет выстраивание собственной биографии. В Петрозаводске Мария Кашинцева уже стала музой командира Красной армии Леонида Александрова. Обожанием окружена она и в Воронеже. Среди ее поклонников знаменитый в те годы организатор театральной жизни Воронежа, заведующий подотделом искусства губисполкома Георгий Малюченко. Сын надворного советника Жорж Малюченко легко вписался в актуальную драматургию революционной эпохи: для масс он организует уличные представления и карнавалы на главной площади города — площади 3-го Интернационала, для новой элиты — губернскую театральную студию и литературно-музыкальные вечера, на которых он любил музицировать с красавицей-филологиней Марией Кашинцевой^{***}. Эстетикой юности революции окрашено изменение Марией даты своего рождения: вместо 1903 появляется 1905 год и 1 мая, День Интернационала (его официальное название в те годы). В 1970-е годы Мария Александровна рассказывала, что она появилась на свет в этот день, потому что ее мать участвовала в первомайской демонстрации. Она была рождена для нового света и успехов

* Воронежский период творчества / Публикация Е. Антоновой // Архив А. П. Платонова. Кн. 1. М., 2009. С. 11.

** Ласунский О. Житель родного города. Воронеж, 1999. С. 95.

*** Там же. С. 96–97, 102–103.

в нем. Но жизнь диктовала свое. Не всё было благополучно в ее семье, родители развелись, начинался голод 1921 года. Она поступает на службу, летом 1921-го едет учительствовать в село.

Для Платонова встреча с Марией Кашинцевой стала одним из главных событий 1921 года. До этого его муза билась над соединением двух несоизмеримых и яростно противостоящих миров — мирового Пролетариата-Массы и “детской семьи”, прошлого и будущего. Теперь в этот непримиримый диалог входит третья фигура — Мария, Муся, Маня, Маруся, став платоновским символом красоты. Как и для его героев, она “загадка природы”, “глупа и красива, как ангел на церковной стене” (“Технический роман”). И одновременно Мария, как и Пролетариат, была из нового мира. Учительницей боролась с крестьянскими предрассудками в воспитании детей. Отношения в семейной жизни также выстраивала по-новому, в русле идеологии советского женского движения — “революции чувств и революции нравов” (А. Коллонтай). Церковный брак был аннулирован декретом “О расторжении брака” (29 декабря 1917), советские брачные законодательства (1918, 1926) обеспечивали идеологию борьбы со старой семьей, коммунистическую мораль в области любви и брачных отношений, упрощали процедуру заключения и расторжения брака. Семейные отношения Платоновых официально были закреплены только в 1943 году*. До этого на официальной регистрации, как свидетельствуют письма, настаивал именно Платонов.

Мария Александровна упорно отвоевывала любящего мужа у его родной семьи, где он был не только старшим сыном, но и во многом кормильцем. Примечательно, что в семейном архиве Платонова не сохранилось ни одной фотографии отца и матери писателя, нет и других материалов семьи Климентовых. Отсутствие в архиве реальных документов не исключает присутствия близких родственников в жизни и творчестве писателя. В сакрально значимый план платоновского текста входят — наряду с образом невесты-жены — образ матери (“Чевенгур”), переписка с братом (“Епифанские шлюзы”), с сестрой (“Котлован”), телеграмма отца о смерти матери (“Третий сын”).

“Старый муж” Платонов во взглядах на семью и брак оставался человеком консервативным. Скорее всего, именно Платонов настоял на крещении сына Платона (7 ноября 1922). Он работал для семьи, старался обеспечить безбедную жизнь жене и сыну, возможность их ежегодных летних отъездов. За исключением нескольких лет Платонов почти всегда находился на службе (губернский мелиоратор Воронежа и Тамбова, старший инженер-конструктор

* Свидетельство о браке № 298 от 23 мая 1943 года хранится в фонде Платонова ОР ИМЛИ (Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 92).

в Москве) и по тем временам неплохо зарабатывал. Мария Александровна занималась домом, сыном, вела светскую жизнь.

Мария Кашинцева тоже хотела быть писательницей, желала писательской славы и признания. В 1970-е годы она не раз говорила, что, если бы не Платонов, она стала бы писательницей — не хуже Валерии Герасимовой. И она делала шаги на писательском пути. В 1930 году Мария Александровна посещает литературные курсы знаменитого ГАХНа; во второй половине 1930-х годов становится литературным сотрудником журналов “Дружные ребята” и “Общественница”, пишет рассказы, переводит с французского языка. В 1960-е годы, в пору первого “возвращения” наследия Платонова, пробует написать повесть о сыне, делает наброски к книге воспоминаний о ставшем наконец-то знаменитым муже. Но неутолимая страсть к собственному литературному творчеству и здесь побеждает. Она составляет план большой книги, которая сначала называлась “История молодого человека 20 века”, затем название уточняется: “История молодого человека и молодой девушки 20 века”. Материалом книги становится история собственной жизни, в которой фрагменты фактов и сведений из жизни Платонова начинают видоизменяться, перемешиваясь с литературным материалом его наследия — письмами, записями, неоконченными произведениями и т. п. В официальных его биографиях, написанных Марией Александровной для печати, Платонов предстает классиком советской литературы, художником, верным идеям революции и социалистического строительства. При составлении хронологической канвы жизни и творчества Платонова она обращается за информацией к Г. З. Литвину-Молотову, но чаще — к произведениям писателя, особенно автобиографическим (“Рассказ о потухшей лампе Ильича”, “Афродита”, “Юность строителя”, “Житель родного города”). И — никакого личного сюжета. В записях же для себя Мария Александровна неустанно словно бы спорит с нарисованным ею же портретом: здесь много горького об отношениях в семье, нелюбимого о литературном окружении Платонова и т. п. Здесь много того горя, которое отнюдь не исчерпывается злыми историческими обстоятельствами в судьбе писателя Платонова. Ни одна из задуманных книг о жизни с Платоновым не будет написана...

Для Платонова — с первой их встречи и до конца жизни — Мария-Муся оставалась его единственной любовью, музой, роковой страстью, счастьем и мукой. Писанье писем к любимой как действие выливалось в своеобразные поэмы в прозе высокого лирического строя. Письма к Марии питают творчество, превращаются в прихотливые эпистолярные сюжеты его прозы, в которых реальное обретает метафизическую перспективу. Любовные

письма открывают вход в область творческого преображения реальности, которой занят Платонов-писатель.

Письма проливают особый свет на обостренные душевные поиски платоновских героев и одновременно — высокую душевную трагедию писателя. Это исповедальные письма, открыто автобиографического и лирического характера. Почти все они — о любви, семье и доме. Это главная тема его писем к жене и глубинная тема творчества.

Своеобразные циклы писем складываются вокруг расставаний с любимой и центральных событий жизни Платонова: встреча с невестой (1921), работа в Тамбове (1926–1927), командировки в районы Поволжья (1930, 1931), поездки в Туркмению (весна 1934, январь 1935) и “по маршруту Радищева” (1937), командировки на фронт в действующую армию (1942–1945). Переписка возобновлялась, как только писатель покидал дом и “верховный руководящий город” (Москву) или когда любимая уезжала на юг, оказывалась в больнице (рождение дочери Маши, 1944), а он оставался в Москве и в доме один.

В реальных и метафизических странствиях вдали от дома с особым напряжением в письмах Платонова начинает звучать “мысль семейная” (Л. Толстой). Мучительная тема нестроений в собственном доме из писем переходит в творчество, где расширяет границы индивидуального и кристаллизуется в тему едва ли не главной национальной и общекультурной трагедии XX века — разрушения дома в новом веке и сиротства человека. Топос традиционного Дома, построенного “по старым правилам” (“Житель родного города”, 946), в произведениях Платонова всегда включает как его базовые составляющие — русский пейзаж, храм, семейный род, детей, пушкинский образ верной жены, сельское кладбище, сакральность обыденного. На языке эпохи традиционный дом (крепость) назывался “буржуазно-семейным убежищем” (“Ювенильное море”). Культурно-историческая бездна, пролегающая между домом “старинного времени” и нового, описана в романе “Счастливая Москва” в картине “*того времени*, когда не сводили лесов, убогое сердце было вечно верным одинокому чувству, в знакомстве состояла лишь родня и мировоззрение было волшебным и терпеливым, а ум скучал и плакал по вечерам при керосиновой лампе или в спящий полдень лета — в обширной, шумящей природе; когда жалкая девушка, преданная, верная, обнимала дерево от своей тоски, глупая и милая, *забытая теперь без звука*. Она не Москва Честнова, она Ксения Иннокентьевна Смирнова, *ее больше нет и не будет*” (курсив наш. — Н. К.). Именно этим экзистенциальным порогом обозначается новый виток возрождения любовной темы в письмах Платонова 1935 года, в пове-

сти “Джан” (1935–1936) и в рассказах 1936 года, где в жизни современных героев впервые появляются образы любимых верных невест и жен, занятых строительством семейного очага (“Фро”, “Река Потудань”, “Среди животных и растений”, “Жена машиниста”).

Тема трудного пути к семейной гармонии составляет фабулу рассказа “Афродита”, представляющего художественную автобиографию Платонова. Экспозиция рассказа строится на противопоставлении двух типов письма с главным для героя вопросом “Жива ли была его Афродита?” — “к людям и учреждениям” и “к природе, к небу, к звездам и горизонту и к мертвым предметам” — и во многом снимается письмом Назара Фомина к исчезнувшей в вихрях войны любимой жене: “Фомин снял шинель и сел писать письмо к Афродите: «Дорогая Наташа, ты верь мне и не забывай меня, как я тебя помню. Ты верь мне, что всё сбудется, как должно быть, и мы снова будем жить неразлучно. У нас еще будут с тобою прекрасные дети, которых мы обязаны родить. Они томят мое сердце тоской по тебе...»” Этот пронзительный финал в одной из первых редакций рассказа восходит к реальным письмам к жене после смерти сына (4 января 1943 года) и исполнен глубинно символического смысла в преодолении фабулы — “объективных обстоятельств” (“Чевенгур”) — через обретение героем духовного знания и зрения, сопряжение мира земного и небесного в пейзаже (письмо пишется героем в освобожденном от фашистов родном городе) и открытие вечного в текущем времени русской истории XX века и в семейной жизни Назара и Афродиты-Наташи. В пронзанной светом любви памяти героя (маркировка автобиографического сюжета как воспоминания героя) соединяются разные лики невесты-жены — изменчивый (Афродита) и тот, что продиктован именем героини, данным ей при крещении: Наталия означает “природная, естественная”, а житие святой — символ верности жены единственному мужу. В каких временных отношениях находится интекст приведенного письма Назара Фомина и рождение в семье Платоновых дочери Маши (11 октября 1944 года), нам еще предстоит уточнять при датировке редакций рассказа.

Личное, семейное и мировое, лирика и история, частное и поэтическое, бытовое и литературное, etc, etc, etc... — эти непримиримые противоречия жизни и культуры пытаются разрешить переживающие муки любви герои Платонова: Бертран Перри (“Епифанские шлюзы”), Александр (“Однажды любившие”), Александр Дванов (“Чевенгур”), Душин и Щеглов (“Технический роман”), Сарториус и Самбикин (“Счастливая Москва”), Назар Чагатаев (“Джан”), Никита Фирсов (“Река Потудань”), Назар Фомин

*

РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 20.

(“Афродита”). Разрешить — *вместе* с автором, иногда — *вслед* за автором, иногда — *предваряя* сугубо личное послание. Можно сказать, что письма к любимой жене включаются не только в хронику жизни писателя, но и в хронологию творчества и в поэтику создаваемых произведений, раскрывают их жизненную основу. И одновременно — указывают на литературную традицию.

Разделить жизнь и искусство в письмах Платонова о любви не всегда удастся. Как, впрочем, и по письмам к Марии Александровне мы вряд ли составим хронику семейной жизни писателя. То, что Платонов смешивает ее реальный облик с эстетическими упражнениями в духе символистского понимания жизни как жизни поэта, первой заметила сама невеста, начертав на одном из первых его писем: “Ваше чувство не ко мне, а к кому-то другому. Меня же Вы совсем не можете любить, потому что я не такая, какую Вы идеализируете, и еще — Вы любите меня тогда, когда есть луна, ночь или вечер — когда обстановка развивает Ваши романтические инстинкты. Муся”.

Если абсолютно согласиться с опровержением “Муси”, то легко встроить платоновские письма в концепцию литературного эксперимента, на которой в те годы настаивали формалисты, предлагавшие прочитать письма и дневники классиков русской литературы лишь как эстетический документ, не имеющий никакого отношения к реальной личности писателя. Останавливает обнажающая искренность писем Платонова, где эстетическое взрывается, можно даже сказать, отменяется голосом голой правды жизни — не закрытой и не прикрытой ничем. В письмах жене и 1920-х, и 1930-х годов мы видим то же исповедование правды жизни, что прозвучало у Платонова в полемическом письме для открытой печати 1920 года:

“Я двадцать лет проходил по земле и нигде не встретил того, о чем вы говорите — Красоты.

<...> это оттого я никогда не встретил Красоты, что ее отдельной, самой по себе — нет. <...>

Я знаю, что я один из самых ничтожных. Это вы верно заметили. Но я знаю еще, чем ничтожней существо, тем оно больше радо жизни, потому что менее достойно ее. <...>

Чем ничтожней существо, тем прекраснее и больше душа его.

<...> Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и всё, что есть на земле, есть и на нас.

Но не бойтесь, мы очистимся — мы ненавидим свое убожество, мы упорно идем из грязи. В этом наш смысл. Из нашего уродства вырастает душа мира” (“Ответ редакции «Трудовой армии» по поводу моего рассказа «Чульдик и Епишка», 1920).

Эстетический манифест, каким является это открытое письмо молодого пролетарского писателя, кристаллизует пушкинскую оппозицию жизни и искусства в их неслиянности и одновременно нераздельности. Платонов выстраивает образ человека низовой жизни в культуре, педалируя и укореняя в жизнь пушкинскую антитезу самого ничтожного человека (“И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он”) и поэта “божественного глагола” Аполлоновой (бог света и искусств в греческой мифологии) традиции, чтобы обозначить главную тему — тему пути человека-поэта. За платоновским “мы” нетрудно увидеть символистские контексты прочтения Пушкина, прямой диалог с “символами красоты у русских писателей” (название статьи Ин. Анненского).

В 1927 году к опоязовскому формальному “эксперименту” Платонов добавит понятие из пушкинской традиции творчества как “священной жертвы” (“Поэт”, 1827): “Вообще настоящая писатель — это жертва и экспериментатор в одном лице. Но не нарочно это делается, а само собой так получается” (письмо от 3 июля 1927 года). В этой математически краткой формуле можно прочесть платоновский ответ на идущие от 1910-х годов споры вокруг пушкинского исповедания отделения себя-человека от себя-поэта, принудительного молчания о некоторых сторонах своей души (В. Брюсов. “Священная жертва”, 1905), а также на ставшую одним из событий литературной жизни начала 1920-х годов полемику между поэтом В. Ходасевичем и формалистами о феномене Пушкина, сути искусства, отношениях между поэтом и человеком, творчеством и личностью, эстетикой и этикой. Если формалисты настаивали на разграничении жизни и творчества Пушкина, предлагали посмотреть на открытия Пушкина и историю русской литературы как на смену литературных форм, а на биографический материал — как на один из элементов формального эксперимента, то Ходасевич (и не только он) настаивал на бесценности пушкинского понимания отношений жизни и искусства, “правдивости”, “точности”, “насквозь” автобиографичности его лирики*, а формалистское “отсечение формы от содержания и главенство формы” определял как “писаревщину наизнанку”***.

Последовательных оппонентов у защитников пушкинско-символистской формулы автобиографичности текста и биографии-жизнетворчества оказалось тогда немало. Так, в статье-брошюре “Новейшая русская поэзия” (Прага, 1921) Р. Якобсона программное утверждение — “предметом науки о литературе является не литература, а литературность, т. е. то, что делает данное произведение литературным произведением” — сопровождается живописным

* Ходасевич В. О чтении Пушкина (к 125-летию со дня рождения) (1924) // Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 118–119.

** Ходасевич В. Колеблемый треножник (1921) // Там же. С. 82.